

Когда красные цветы сливы расцвели, этот человек медленно упал назад. Чу Фэнцин медленно закрыл глаза под недоверчивым взглядом Чжао Юю.

Просто скажи, что тебе нельзя пить.

Цзи Юйцзинь ах, Цзи Юйцзинь, если ты всё ещё не придёшь, боюсь, я и впрямь больше не выдержу.

Оживлённый дворцовый банкет внезапно превратился в беспорядок, а атмосфера на реке Шацзян была совершенно не похожа на здешнюю. В ночи не такая уж маленькая лодка плыла по реке. В каюте Цзи Юйцзиня укачало, и он выглядел очень недовольным, поэтому рано лёг спать.

Чжао Ли дежурил снаружи комнаты, когда вдруг услышал звук чего-то разбивающегося изнутри. Он испугался и постучал в дверь, чтобы спросить, но долгое время не было никакого движения, поэтому он без колебаний выбил дверь ногой.

В комнате не горели свечи. Яркий лунный свет проникал через маленькое окно, освещая комнату своей уникальной пустынностью.

Цзи Юйцзинь сидел на кровати с распущенными волосами, его руки прикрывали грудь, а голова была слегка опущена, так что трудно было разглядеть его выражение. Осколки чайника разлетелись по всему полу.

Выражение лица Чжао Ли слегка изменилось:

— Хозяин, что случилось?

Цзи Юйцзинь медленно поднял голову и посмотрел на Чжао Ли.

Зрачки Чжао Ли сузились, и он заметил, что глаза Цзи Юйцзиня были красными, его чёрные волосы небрежно спадали на плечи, и всё его тело источало чувство безумия.

Печаль настолько подавляющая, что доводит до грани безумия.

— Лодка должна идти быстрее.

С тех пор как он вошёл в комнату, Цзи Юйцзинь сказал лишь эту одну фразу, его голос был хриплым.

— Да, Хозяин.

Чжао Ли не осмелился спросить, что случилось, но в его сердце было дурное предчувствие, чрезвычайно дурное предчувствие, которое заставило его так паниковать, что рука, державшая меч, дрожала.

Чу Фэнцин слегка приоткрыл глаза, свет с трудом пробивался внутрь. Он нахмурился от дискомфорта, и через несколько мгновений его зрение потемнело. Почувствовав себя немного лучше, он постепенно снова открыл глаза.

Первым, что он увидел, был газовый занавес, развевающийся на ветру, и он снова был в том дворце.

— Императорский лекарь, он проснулся.

Голос Чжао Июя достиг его ушей. Обычно он говорил медленно и спокойно, но теперь его тон был немного поспешным. Он слегка повернул голову, чтобы посмотреть на него. Глаза Чжао Июя были полны тревоги:

— Циньэр, тебе где-нибудь нехорошо?

Где-нибудь нехорошо? Он поджал губы и повернул голову обратно. Благодаря ему ему было нехорошо везде.

Чжао Июй сжал кулаки. Думая о том, что сказал императорский лекарь, его глаза слегка потускнели. Он тихо сказал:

— Прости, Чжэнь не знал, что тебе нельзя пить. Твоё тело...

Он не закончил свои слова. Чу Фэнцина и впрямь раздражало его выражение искупления после угроз. Он был и хорошим, и плохим парнем одновременно.

Его обзор был заблокирован Чжао Июем, поэтому он не видел, что внизу стояло на коленях много императорских лекарей, у каждого на лице был холодный пот.

Поначалу все думали, что Чу Фэнцин был отравлен. Его симптомы были чрезвычайно похожи на отравление. Все подозревали, что его бокал вина был отравлен. Чжао Июй тоже был напуган им. Цзиньвэй образовали защитный круг вокруг него, отражая любых убийц, и на некоторое время сцена погрузилась в полный хаос.

Чжао Июй не позволял никому приближаться к Чу Фэнцину и лично отнёс его обратно во дворец. Императорский лекарь проверил его пульс и обнаружил, что это не так. Тело Чу

Фэнцина было как тряпичная кукла, и всё это поддерживалось лекарствами. Никто не знал, кто дал ему лекарство, но все были уверены, что это, должно быть, человек с чрезвычайно превосходными медицинскими навыками.

Услышав приказ Чжао Июя, Императорский лекарь Ли, глава Императорского медицинского управления, храбро вышел вперёд, чтобы проверить пульс пациента. В конце концов, пациент проснулся, так, может быть, состояние улучшится?

Однако всё это было лишь принятие желаемого за действительное. Вскоре после того, как он положил руку на пациента, лицо Императорского лекаря Ли снова начало бледнеть.

Чжао Июй только что издал смертельный приказ, что если «Наложница Чу» умрёт, все они должны будут быть похоронены вместе с ней. Однако, учитывая ситуацию, даже если бы пришёл чудо-врач, ему тоже могло бы быть немного трудно.

Он сглотнул слюну и проглотил слова «я ничего не могу сделать» под убийственным взглядом Чжао Июя и сказал с горьким лицом:

— Здоровье Нянянь улучшилось. Пока она принимает лекарство вовремя, она поправится.

Когда Чу Фэнцин услышал это, он с интересом обернулся, чтобы посмотреть, какой «чудо-врач» осмелился говорить так высокомерно. Обернувшись, он увидел горькое лицо Императорского лекаря Ли.

Они посмотрели друг на друга. Губы Чу Фэнцина слегка изогнулись вверх, неизвестно, было ли это потому, что горький и мстительный взгляд Императорского лекаря Ли был немного забавным или что-то ещё.

Это и впрямь создаёт ему трудности.

Императорский лекарь Ли жаловался в душе и беспомощно опустил глаза. Он контактировал и с Чу Фэнцином, и с «Чу Иньинь». Он не знал, почему «она» стала наложницей Чжао Июя. Но что бы ни случилось, те «двое» врачей были намного лучше него, так как же он мог не знать состояние своего собственного тела?

Теперь он выглядит как «шарлатан», который хвастается своими навыками перед экспертом, и именно император заставил его стать этим «шарлатаном».

В последующие дни Чу Фэнцин стал настоящей аптекой. Он ел три раза в день с привкусом лекарства во рту. Он совсем не чувствовал вкуса блюд, только то, что они были очень горькими. В такие часы он всегда жаждал засахаренных фруктов, которые Цзи Юйцзинь делал раньше. Тогда он делился ими с другим, прежде чем ел сам. Теперь же он сожалел об этом выборе, желая, чтобы он оставил их все себе.

Раньше он тайно спрятал немного лекарства, изначально намереваясь сделать какой-нибудь экстазный порошок или что-то подобное, чтобы сбежать; иначе было бы немного плохо просто сидеть и ждать смерти, но лекарство было обнаружено Чжао Июем и всё изъято.

По правде говоря, согласился бы он или нет, он бы не пошёл на это. Даже если бы ему дали приготовленное лекарство, сбежать было невозможно, его тело просто не выдержало бы. Всё, что ему теперь оставалось, — это ждать Цзи Юйцзиня.

Чжао Июй проводил всё больше времени во дворце Чэнь. Возможно, потому что Императорский лекарь Ли и другие сказали ему, что пациента нужно держать в хорошем настроении, диапазон деятельности Чу Фэнцина значительно расширился — от маленького дворца Чэнь до всего императорского дворца. Точно так же вокруг него стало на несколько дворцовых служанок и евнухов больше.

Ветерок сквозь лотос несёт его аромат, а роса на бамбуке падает с хрустящим, чистым звуком.

После начала лета погода становится жарче день ото дня. В начале лета солнце не очень жаркое, а по утрам и ночам ещё немного прохладно.

Лотосы в озере во дворце тоже расцвели, и полное озеро лотосов очень привлекает взгляд.

Чжао Июй изначально хотел взять его посмотреть, но по пути его задержали другие дела, что было именно тем, чего хотел Чу Фэнцин.

Он снова надел мужскую одежду и объявил публике, что он брат-близнец Наложницы Чу, который пришёл лечить её. В конце концов, Наложница Чу вырвала кровью перед всеми, а репутация Чу Фэнцина как молодого божественного врача широко распространилась снаружи, так что никто не сомневался говорить некоторое время.

Он был одет в лунно-белое одеяние, а его волосы длиной до пояса были свободно собраны за головой куском шёлка. Если бы не его неприятное выражение лица, он выглядел бы очень лениво и непринуждённо.

Теперь его болезненный вид и одежда, которую он носил, довели его чувство разбитости до крайности. Любой, кто видел его, пожалел бы его.

Когда Чу Фэнцин посмотрел на себя в зеркало, он пришёл к выводу в четыре слова — «очень болен».

Так что Чжао Иую не нравилось, как он одевался, но ему было всё равно, нравится ему это или нет.

Лотосовый пруд во дворце был очень большим, и вокруг пруда был построен коридор, ведущий

прямо в глубину лотосов. Чу Фэнцин пошёл по коридору, за ним следовали четыре дворцовые служанки и евнуха.

Пройдя некоторое время, он больше не мог идти, поэтому нашёл место, где было много цветов, и встал там.

Слабый аромат лотоса донёсся до него, и розовый цвет лотоса отражался в его ясных глазах. В море цветов он стоял там тихо, глядя вдаль, его чёрные волосы развевались на ветру.

Дворцовые служанки и евнухи, следовавшие позади, все выразили оттенок удивления в глазах.

Безмятежная сцена была внезапно нарушена резким кашлем. Чу Фэнцин прижал платок к губам, и вскоре след крови окрасил уголок его рта.

Дворцовые служанки и евнухи так испугались. Они не могли взять на себя ответственность, если что-то случится, поэтому быстро побежали проверить, что происходит.

— Ого, разве это не Чу Фэнцин?

В этот миг позади них послышался чистый и утончённый мужской голос.

Чу Фэнцин почувствовал, что этот человек выглядит знакомо. Обернувшись, он увидел красивого мужчину.

— Чжао Линь?

После того как Чжао Июй пришёл к власти, Чжао Линь был помещён под домашний арест во дворец своей матери. Неизвестно, почему он смог выйти сегодня.

Глаза Чжао Линя двинулись, и он рассмеялся:

— Ха-ха-ха, не ожидал, что ты всё ещё помнишь моё имя.

Чу Фэнцин посмотрел на инвалидное кресло под ним. Чжао Линь, казалось, был чрезвычайно чувствителен к чужому взгляду. Его лицо мгновенно покраснело:

— На что ты смотришь? Если ты ещё раз посмотришь на меня, я прикажу вырвать тебе глаза!

— Этот слуга приветствует молодого господина Чу. Мои извинения, милорд не любит, когда другие смотрят на его ноги. Пожалуйста, не обижайтесь, молодой господин.

Нежный голос привлёк глаза Чу Фэнцина к инвалидному креслу. Человеком, толкавшим кресло, был евнух. Внешность евнуха не была выдающейся, но он был очень приличен, и на его бледном лице всегда была улыбка.

Чу Фэнцин покачал головой. У него не было никакого впечатления об этом евнухе. Ему просто было интересно, что случилось с ногами Чжао Линя.

Чжао Линь задыхался и усмехнулся:

— Но не насмехайся надо мной, мы все одинаковы, никто не благороднее другого; раньше это был Цзи Юйцзинь-евнух, теперь Чжао Июй стал ещё большим безумцем. Ха, ты будешь тем, кто пострадает.

Чу Фэнцин поджал губы, не понимая, что он говорит.

Линь Ин присел на корточки и посмотрел на Чжао Линя прищуренными глазами:

— Хозяин, вы обещали этому слуге прошлой ночью, что не будете болтать чепухи, когда мы выйдем, иначе...

Он коснулся руки Чжао Линя. Ресницы Чжао Линя слегка дрогнули, словно он вспомнил что-то ужасное:

— Я... я ничего не говорил.

Отношения между ними были совсем не похожи на отношения обычного хозяина и слуги. Вместо этого была неопишуемая странность, словно Линь Ин был доминирующим.

— Эн, вы ничего не говорили.

Линь Ин улыбнулся и помог Чжао Линю привести в порядок его растрёпанный воротник. Выражение лица Чу Фэнцина слегка изменилось. Уголок его воротника был случайно отдернут, позволив ему увидеть беспорядочные следы, скрытые под ним, с переплетёнными красным и фиолетовым.

Глаза Чжао Линя сузились, и он отбил руку Линь Ина со звуком «шлёп»:

— Ты, маленький собачий раб, проваливай!

Он крепче сжал свой воротник и в панике взглянул на Чу Фэнцина, но, увидев, что Чу Фэнцин не смотрит на него, вздохнул с облегчением, словно сохранил последнюю каплю своего

достоинства.

Он заметил окровавленный платок в руке Чу Фэнцина и подумал о слухах во дворце. Он вдруг почувствовал, что всё это чрезвычайно скучно. Он махнул рукой и сказал:

— Линь Ин, укажи меня.

Линь Ин кивнул, отсалютовал Чу Фэнцину, затем покатил Чжао Линя глубже в коридор.

Чу Фэнцин посмотрел на спины двух людей и через мгновение отвёл взгляд.

По мере того как день приближался к двадцатилетию, состояние Чу Фэнцина становилось всё серьёзнее.

Чжао Июй вызывал императорских лекарей бесчисленное количество раз, но каждый раз они просто становились на колени, отчего его лицо становилось уродливее день ото дня.

В тот день Чу Фэнцин был разбужен жаждой посреди ночи и, как только открыл глаза, увидел Чжао Июя.

Чжао Июй что-то сжимал пальцами. Почувствовав его взгляд, он повернулся, чтобы посмотреть на него, и слегка приподнял уголки губ:

— Проснулся? Тебе нехорошо?

Чу Фэнцин не ответил. Чжао Июй, казалось, привык к такому обращению. Он убрал вещь в руке, и Чу Фэнцин увидел, что это была серебряная монета.

Чжао Июй тихо вздохнул:

— Ты единственный в этом дворце, кто осмеливается так со мной обращаться.

Он встал, налил стакан тёплой воды и протянул Чу Фэнцину, который взял его и сделал два глотка.

Чжао Июй улыбнулся и сказал:

— Я пришёл, чтобы рассказать тебе одну новость.

Он помедлил и тихо сказал:

— Цзи Юйцзинь поднял мятеж и повёл армию с моим пятым дядей, чтобы атаковать столицу.

<http://bllate.org/book/17231/1657679>